

А. Л. Меньшикова

МЕМУАРЫ ОБ ОБУЧЕНИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ XVIII в.

В истории образования в России XVIII век занимает важное место. В это время в стране появилась сеть государственных школ для обучения детей различных сословий, но крестьянские дети оставались вне стен учебных заведений. По Уставу народных училищ 1786 г. не возбранялось обучение в этих типовых учебных заведениях, открывающихся в губернских и уездных городах России, детей крестьян, в том числе и крепостных.

Передовые люди России уже в первой половине XVIII в. понимали, что необходимо заниматься обучением крестьянских детей, давая им хотя бы минимум знаний. Вопросы крестьянского образования поднимались в трудах представителей русской общественной мысли; И. Т. Посошков, Ф. С. Салтыков, А. А. Курбатов, В. Н. Татищев подчеркивали важность решения этих вопросов для успешного развития страны, выдвигали проекты развития крестьянского образования.

Вопрос крестьянского образования почти не изучен в литературе, источники также немногочисленны. В связи с этим особое значение для изучения данной проблемы приобретают источники личного характера, в частности мемуары. Это записки или воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками событий, основанные на личном опыте или собственной памяти авторов. Часто в мемуарах описываются детали и факты, не отраженные в других источниках. Кроме того, мемуары дают возможность почувствовать дух времени. Субъективность мемуаров позволяет порой очень четко выяснить позицию автора и соответствующего сословия в описываемых событиях.

В XVIII в. для России было характерно распространение мемуаров — автобиографий и дневников, отчасти частной переписки. Лишь в конце XVIII — начале XIX в. на первый план начинают выдвигаться мемуары — «современные истории». Большинство мемуаров хранилось в семейных архивах, библиотеках, а публиковалось родственниками или близкими друзьями. Часто рукописи терялись и обнаруживались исследователями через много лет после их написания.

Крестьянская грамотность в России XVIII в. была очень редким явлением. Лишь немногие мемуаристы, описывая свое детство и юность, ос-

тавили свидетельства об обучении крестьян. Это передовые личности того времени, к которым бесспорно можно отнести А. Болотова, М. Щепкина, Н. Смирнова, С. Т. Аксакова.

Пожалуй, найдется немного деятелей, которые внесли бы столь обширный вклад в русскую науку и культуру, как *Андрей Тимофеевич Болотов* (1738 — 1833). Болотов был зачинателем русской агрономии и плодоводства, находился в ряду первых отечественных ученых—ботаников и лесоводов. Он был в числе тех, кто стоял у истоков русской педагогики. Велики его заслуги в медицине, метеорологии, истории. Болотову принадлежат и первые в России работы по теории садово-паркового искусства. Он был и выдающимся писателем, прославив себя как автор самых значительных русских мемуаров XVIII столетия. Как отмечает О. Е. Глаголева, «...по масштабу личности, научным достижениям Болотова можно сравнить с М. В. Ломоносовым, однако имя первого русского ученого-агронома долгие годы было почти забыто, неизвестно широкому кругу читателей»¹.

Уроженец Тульской губернии, А. Т. Болотов происходил из семьи мелкопоместного дворянина. Систематического образования он не получил. В 1755 г. начал действительную военную службу, был участником Семилетней войны, с 1758 г. служил переводчиком в канцелярии генерал-губернатора Восточной Пруссии Н. А. Корфа в Кенигсберге. С появлением указа «О вольности дворянской» в 1762 г. он вышел в отставку с действительной службы и жил в родовом селе Дворянинове. В 1774 г. Екатерина II, оценив познания Болотова в сельском хозяйстве, поручила ему управление своими имениями в Киясовской волости, а с 1776 г. — в Богородицкой волости. В 1796 г. после смерти Екатерины II Богородицкая и Киясовская волости перешли к ее незаконнорожденному сыну А. Г. Бобринскому. Болотов вернулся в Дворяниново, где и прожил до самой смерти.

Андрей Тимофеевич Болотов создавал свои мемуары в период с 1789 по 1820-е гг. Записки составлялись на основе «черновых» дневников, которые А. Т. Болотов вел изо дня в день на протяжении десятилетий. Мемуары были построены как серия писем к некоему вымышленному другу, обращением к которому начиналось и заканчивалось «письмо». Всего было написано 39 частей мемуаров, сороковая не была дописана. До 1800 г. было составлено 7 частей, охватывающих период с 1730-х до 1760-х гг.

Мемуары А. Т. Болотова повествуют о событиях 1730 — 1811 гг. Мемуарист отмечает, что «писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение...»²

После ухода в отставку Болотов в своем родовом имении Дворянинове в 1770-х гг. устроил нечто вроде учебного пансиона для своих детей, детей родственников и знакомых помещиков. Переехав в 1776 г. в Богородицк Андрей Тимофеевич стал заниматься (правда, эпизодически) обучением крестьянских детей. Он выбрал из конюховских детей двух «умеющих грамоте мальчиков» и велел приходить к себе для «писания всякой всячины». Эти занятия не были случайным явлением. Став управляющим в Богородицке, Болотов решил подготовить себе секретарей. Болотов отмечает, что мальчики уже довольно хорошо писали и могли кое-что переписывать, поэтому он старался их обучить «лучшему и правильнейшему писанию, что со временем послужило им обоим в великую пользу»³.

Этот факт в какой-то степени может дать представление об уровне образования крестьян: ведь мальчики уже были кем-то обучены и чтению, и письму, а Болотов лишь совершенствовал их умение. Но, скорее всего, люди, «умеющие грамоте», встречались среди крестьян не так уж часто.

С именем Болотова связано создание в Богородицке в 1784 г. первого в Тульской губернии волостного училища для крестьянских детей. Болотов подробно описывает историю создания этого училища. В 1784 г. Богородицк посетил тульский наместник, осуществлявший контроль над волостями Екатерины II, Михаил Никитич Кречетников. Во время осмотра окрестностей богородицкого дворца он высказал пожелание на пустующем месте у пруда построить волостное училище. Ясно, что в конце XVIII в. представители власти понимали необходимость самого элементарного образования для детей крестьян. Это было в духе просвещенного абсолютизма, характерного для правления Екатерины II до Французской революции.

Школа была призвана служить целям подготовки грамотных слуг для нужд дворцового имения. «Собственное намерение наместника, — писал Болотов, — состояло в том, чтобы мальчиков сих, выучив грамоте, обучать потом музыке и сделать из них людей, годных к служению в различных должностях при волости, а если они впоследствии времени отдадутся г. Бобринскому, то и при нем в доме, что впоследствии времени отчасти и совершилось, и все они, кроме очень немногих, сделались счастливыми...»⁴

Представляет интерес информация о том, что Болотов сам участвовал в подборе учащихся. Он объездил находящиеся в его управлении деревни и набрал около тридцати учеников. Андрей Тимофеевич отмечает недовольство родителей и самих детей, с которым он столкнулся. «Они все, равно как отцы их, сначала крайне были тем недовольны, и пролито об

них множество слез»⁵. В этом проявлялась необразованность крестьян, многие из которых не видели необходимости в обучении детей.

К сожалению, автор ничего не сообщил о возрасте учащихся, можно лишь предположить, что он был самый разный. Нет конкретных сведений о родителях учащихся. Но Болотов отразил такие важные вопросы, как материальное положение училища, рассказал об учебной программе, дал характеристику учителей, преподававшим крестьянским детям «науки» в школе.

До тех пор пока не построили специальное здание для училища (проект разрабатывался по указанию наместника), детей разместили в одном из дворцовых флигелей. Болотов отмечает, что учеников обеспечили одинаковой формой, а в 1785 г. наместник, посетив училище, распорядился «пошить для них несравненно лучшее платье, если они будут не прочь учиться прилежно»⁶. Это свидетельствует об относительном материальном благополучии училища; о каких-либо материальных трудностях Болотов не упоминает.

Учащихся Богородицкого училища Болотов называет «казенными школьниками», по-видимому, они получали, кроме одежды, какое-то еще казенное содержание — в виде пищи, может быть, и денег.

Учебная программа, по свидетельству Болотова, оставалась неизменной на протяжении длительного периода. Школьники обучались грамоте и пению, а впоследствии и музыке, программа эта была определена губернским начальством.

Болотов описывает личность учителя, обучавшего детей чтению, письму и, вероятно, пению в 1784—1788 гг.: «Был он малой еще совсем молодой, происходивший из рода церковников и характера совсем распутного и негодного, так что надлежало за поведением его иметь бдительное око и удерживать его от многих шалостей...»⁷ Эта характеристика относится к 1784 г., более подробная дается относительно 1788 г.: «Был он человек еще молодой, родом попovich, находился прежде в семинарии и определен к нам для обучения школьников наших и музыкантов по новой методе грамоте»⁸. Здесь же, не жалея эпитетов, Болотов называет его «негоднейшим и наираспутнейшим человеком», который «делал с учениками своими разные бесчинства и проказы» (очевидно, бил их) и совращал девушек, служивших в господских домах.

Из замечаний Болотова ясно, что богородицкий учитель абсолютно не соответствовал по своим моральным качествам делу, которым занимался. Болотов отмечает, что был серьезно обеспокоен поведением учителя. Многочисленные жалобы капельмейстера, с 1787 г. обучавшего детей музыке, а также самих учеников, передаваемые Андреем Тимофеевичем главноуправляющему волостью Давыдову, сначала не принесли результата, и только в 1788 г. учитель по распоряжению главноуправ-

ляющего был наказан палками, а вскоре и вовсе выслан из Богородицка под караул в Тулу. Нет сведений о том, была ли прислана замена учителю. Рассказ Болотова о «негодяе учителе» может дать наглядное представление о том, кому за неимением подходящих кандидатур приходилось доверять воспитание и обучение крестьянских детей.

Интересен рассказ Болотова о том, как было организовано обучение музыке в училище. Он сообщает, что в 1787 г. в волости по инициативе наместника было сделано несколько нововведений, в том числе мальчиков было стали учить духовой и смычковой музыке. Для этого вскоре был прислан капельмейстер, поляк по фамилии Розенбергский. Болотов ничего не сообщает ни о социальном положении учителя, ни об образовании, которое он имел. Ему «...выбрали школьников, сколько нужно было для полной капели»⁹. Капельмейстер купил в Москве инструменты, деньги на них, вероятно, были выделены специально, и приступил к обучению детей. Однако Болотов выражает недовольство характером и квалификацией учителя: «Человек он был капризный, да и не виртуоз, и у нас, по глупым капризам его, не один раз доходило с ним уже и до ссоры и до превеликой на него досады...»¹⁰

Болотов пишет, что летом 1788 г. в Богородицк приехали два капельмейстера-немца, отец и сын, и предложили ему завести в волостном центре музыкальное училище. Болотов характеризует их весьма положительно: «Оба превеликие мастера играть на всех инструментах, а особливо на скрипках, и находившиеся тогда без места и одного ищущие»¹¹.

Это интересный факт: в российской провинции 80-х гг. XVIII в. мы встречаем уже много учителей-иностранцев, причем высокой квалификации, ищущих приложения своему труду. Болотов упоминает о многочисленных ссорах между учителями, происходивших по вине поляка. Лишь осенью 1788 г. при помощи вышестоящего начальства удалось уволить г-на Розенбергского. Болотов отмечает явный прогресс в обучении детей («дети играли хорошо и несравненно лучше, нежели когда их поляк учил»¹²), сообщает, что они начали петь в хоре при церкви, играть духовую и смычковую музыку.

Училище было необычным, и неудивительно, что наместник, побывав в Богородицке и посетив училище, успехами детей был доволен. Очень ценны, несмотря на свою краткость, сообщения Болотова о проверках училища в Богородицке со стороны местной власти.

В 1788 г. в Богородицк из Петербурга прибыл коллежский советник О. П. Козодавлев. Болотов пишет, что он ездил «...для свидетельствования всех училищ... и ехал к нам для свидетельствования и нашего училища». Это замечание Болотова дает право предположить, что ревизия была одним из первых мероприятий, проводимых правительством с целью выяснить, сколько учебных заведений существует на данный момент

в стране, а также как они функционируют. О том, как ревизия проходила в Богородицке, известно немного. Болотов ограничивается следующей фразой: «...ходил г. Козодавлев смотреть нашего училища и экзаменовать всех наших школьников, и он всем был доволен».

Сообщение о следующей ревизии относится к 1790 г. Она проводилась директором тульских народных училищ г-ном Хомяковым. Сведения о ревизии 1790 г. — последнее упоминание о Богородицком училище в мемуарах А. Т. Болотова. Неизвестно, как долго оно существовало, набирали или нет в него новых учеников. Можно лишь предполагать, что оно не стало постоянно действующим. После передачи Богородицкой волости во владение графу А. Г. Бобринскому, вероятно, мальчики, окончившие училище, стали служить у него.

В мемуарах Болотова есть оценка результатов обучения крестьянских детей, правда — очень краткая: «...все они, кроме очень немногих, сделались счастливыми, так что иные из них ныне (в 1810 г. — А. М.) имеют большие у себя капиталы»¹³.

Сведения о волостном училище в Богородицке представляют большую ценность для изучения крестьянского образования в России. А. Т. Болотов отразил в своих записках понимание необходимости обучения крестьянских детей и рассказал о своеобразном типе учебного заведения с собственной программой, со строго определенным назначением — обеспечить волость грамотными людьми. Высокий уровень организации обучения крестьянских детей в Богородицком музыкальном училище — несомненная личная заслуга автора мемуаров А. Т. Болотова.

Если воспоминания Болотова касаются дворцовых крестьян, то яркие мемуары М. С. Щепкина повествуют о частной школе для обучения детей крепостного крестьянства. *Михаил Семенович Щепкин* (1788—1863), русский актер, основоположник реализма в русском сценическом искусстве, был сыном крепостных графа Волькенштейна, только в 1822 г. он получил вольную.

М. Щепкин начал писать воспоминания по настоянию А. С. Пушкина весной 1836 г. в возрасте 48 лет, будучи премьером императорской труппы. Записки родились из устных рассказов Щепкина. Каждый из фрагментов записок автор писал по настоянию кого-либо из ближайших друзей и предназначал первоначально для публикации в альманахах, газетах, журналах. «Записки» М. Щепкина были напечатаны в «Современнике» (1847), «Атенее» (1858), «Русском вестнике» (1856), «Комете» (1851), «С.-Петербургских ведомостях» (1863), «Московских ведомостях» (1859) и газете «Наше время» (1862). Отрывок, описывающий его детство, появился раньше всех — в 1848 г. в «Современнике». В 1864 г. сын артиста, Н. М. Щепкин, опубликовал первое полное издание «Записок». И хотя

незавершенные мемуары М. С. Щепкина состоят из разрозненных фрагментов, они содержат ценные сведения об обучении крепостных в имении.

Отец Щепкина был не рядовым крепостным, а управляющим имением графа Волькенштейна в селе Красном Тульской губернии, к тому же по тому времени достаточно образованным человеком и «пользовался неограниченной доверенностью графа». Ему «было вверено в управление все имение господ, которое состояло из 1 200 душ и было разбросано на 70 верстах». Мать Михаила Щепкина прислуживала графине, выполняла различные поручения по дому.

Обучать пятилетнего мальчика грамоте начал малороссиянин Никита Михайлович, ключник хлебного магазина при винокуренном заводе. Этот учитель «имел школу privately». Обучение происходило в доме учителя, куда приходили обучаться еще два мальчика — дети Никиты-шинкаря, Гаврило и Никита. Кроме того, Щепкин отмечает, что вместе с мальчиками обучалась грамоте дочь учителя Никиты Михайловича Надёжка. Детей традиционно обучали грамоте по азбуке, часослову и псалтырю.

М. Щепкин подробно и очень образно описывает обычаи в этой небольшой частной школе, видимо, существовавшие и в других школах: «При перемене книг, то есть когда я окончил азбуку и принес в школу в первый раз часослов, то тут же принес горшок молочной каши, обернутый в бумажный платок и полтину денег, которая как дань, следуемая за учение, вместе с платком вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на стол и после повторения задов (в такой торжественный день учения уже не было) раздавали всем учащимся ложки, которыми и хватали кашу из горшка... Принесший кашу и совершивший подвиг, то есть выучивший всю азбуку, должен был бить учеников по рукам, что... исполнял усердно при всеобщем шуме и смехе учителя и его семейства. Потом, когда кончили кашу, вынесли горшок на чистый двор, поставили его по середине, и каждый бросал в него палкой; тот, кому удавалось разбить его, бросался стремглав уходить (бежать), а прочие, изловчив его, поочередно драли за уши». Та же церемония происходила и после завершения изучения часослова и перехода к псалтырю. После окончания изучения всех трех книг ежедневно под присмотром учителя дети занимались «протверживанием задов», заучивали тексты наизусть.

Читая, нужно было «останавливаться по точкам», т. е. делать паузу в конце предложения, где стоит точка, чтобы был понятен смысл прочитанного. Вопросы ученики учителю не задавали, а если задавали, то очень редко: «В ответ учителю... я спросил у него: “Да для чего же останавливаться по точкам?”. При сем вопросе учитель мой остолбенел: в первый раз услышал он такой вопрос, в течение целых сорока лет обучая юношество грамоте, — и до того смешался и рассердился, что долго не отвечал на него... Отпустил он мне в голову порядочную тукманку...»¹⁴

В мемуарах Щепкина содержится информация и об отношениях учителей и учеников. Он отмечает, что от учителя Никиты Михайловича он «получал часто... скубки, удары по руке линейкою». «Однажды учитель отпустил мне две очень ловкие пали (при коих я вздрагивал, разумеется...)»¹⁵

В «Записках» М. Щепкин отмечает, что его отец поощрял телесные наказания в процессе обучения и сам применял их. «Отец полагал, что только строгостью можно заставить детей любить и почитать взрослых, то есть, по его мнению, бояться и любить — было одно и то же. Это было в то же время общее мнение насчет воспитания детей... и в высших слоях»¹⁶.

Результаты обучения были разные. Рано проявившиеся способности Щепкина позволили ему без особого труда обучиться грамоте. М. Щепкин пишет, что очень быстро — за один год — выучился грамоте: «всю премудрость выучил, т. е. азбуку, часослов и псалтырь, этим тогда и оканчивалось все учение. И поскольку его «одноклассники» с трудом осваивали сию премудрость, а старый ключник ничего не мог предложить преуспевающему в науках Михаилу Щепкину, тому по многу раз приходилось повторять уже давно заученный текст. Однако автор мемуаров обращает внимание на то, что ученики во время учения «не понимали ни слова, а приобретали только способность бегло читать церковные книги».

Следует отметить, что М. Щепкин фиксирует в воспоминаниях также отношения родителей и учителей в процессе обучения крепостных. Его отец, управляющий имением, однажды бранил учителя Никиту Михайловича за то, что он не смотрит за ребенком: «Батюшка рассердился, плюнул, топнул ногой и ушел, наказав строго учителю исправить ребенка. Гнев отца произвел свое действие, ибо учитель, боясь потерять... место ключника у хлебного магазина, что совершенно зависело от воли отца моего, он обратил все внимание на исполнение его желания»¹⁷.

Отец Михаила Щепкина, видя интерес сына к занятиям, решил отправить его на учебу в село Кондратово к священнику, отцу Димитрию, повторять выученное. Но, как следует из воспоминаний Щепкина, сельский провинциальный священник не был силен в грамоте. Отец Димитрий был «недальнего образования и только в тогдашнее время мог быть священником: что не каждый день повторялось в служении, то он разбирал весьма плохо»¹⁸. Мальчик читал и учил наизусть тексты из церковнославянских книг. «Из всего этого времени я только и помню, что на другой день моего поступления он нещадно выпорол меня розгами... за то, что я... разорвал первый лист псалтыря»¹⁹. Убедившись, что его подопечный вызубрил псалтырь довольно основательно, и обнаружив у мальчика хороший музыкальный слух и голос, отец Димитрий принялся приобщать его к пению в церковном хоре.

Неудовлетворенность уровнем образования сельских священников подтолкнула Семена Григорьевича, отца Михаила Щепкина, к поиску священника в городе Белгороде. Это было настолько необычным явлением, что вызвало удивление окружающих. М. Щепкин часто слышал, что люди говорили о его отце: «Черт знает, чему управитель хочет учить своего сына, отдавая в Белгород: мальчик и так уже выучил азбуку, часослов и псалтырь, его бы теперь выучить писать — и конец, а там в суд переписывать дела, и вышел бы человек!»²⁰. Щепкин отмечает, что, «...по их понятиям, не было выше этого образования; об остальном, то есть учении языкам, им не приходило и в голову, что крепостному человеку можно их знать»²¹.

Проводы 6-летнего М. Щепкина на учение превратились в своеобразный семейный праздник. «В назначенный день для отъезда, в который приглашены были бабушкина сестра из Мирополья с мужем и его братом... бабушка... в заключение приглашен приходской священник... Отслужили молебен, потом, как водится, выпили водки, пообедали сытно, затем для такого торжественного дня велели согреть чайник, напились чаю... и пуншу. Все плакали... говорили, чтоб я не скучал и не шалил, а учился бы хорошо...»²²

В 1795—1799 гг. Михаил Щепкин обучался в Белгороде истории и основам латинского языка («у очень умного священника»). Снова зубрежка — латынь, псалмы, библейские истории. Кроме того, Михаил помогал своему наставнику в совершении богослужений.

В 1799 г. Михаил вместе с сестрой Александрой был определен в уездное Судженское малонародное училище (видимо, малое народное училище), созданное по Уставу народных училищ 1786 г. Запомнилось оно Щепкину главным образом тем, что здесь впервые он вышел на сценические подмостки в качестве артиста. В 1801 г. Щепкин и его сестра Александра сдали выпускные экзамены. Их имена попали в список лучших учеников.

Отец Миши, видя незаурядные способности детей, прикладывал все усилия к тому, чтобы дать им хорошее образование. Желанию своего управляющего граф Волькенштейн не противился, т. к. видел больше пользы от грамотных слуг, нежели от необразованных. Поэтому на тринадцатом году жизни Миши и одиннадцатом — его сестры Александры граф, уезжая на зиму в Курск, взял с собой младших Щепкиных. Мишу он пристроил в губернское училище и одновременно использовал в качестве официанта. Александра прислуживала графине.

Примечательно, что после успешно сданного экзамена в губернское училище М. Щепкин был зачислен сразу в третий класс при четырехлетнем обучении. Занятия здесь в основном состояли в затверживании наизусть текстов, продиктованных учителем накануне уроков. Из общих ха-

рактистик учителей, которые приводит М. Щепкин в «Записках», явствует, что общий уровень преподавания был низким. В связи с реорганизацией училища в гимназию в преподавании наступило некоторое улучшение: «учитель математики... довольно серьезно начал проходить геометрию и в скором времени довел нас до того, что познакомил и с практикой. Мы ходили с ним в поле и измеряли озеро с помощью астролябии... Мною вообще он был всегда доволен, и после нескольких вояжей я был уже действующим у астролябии»²³.

По окончании Курской гимназии (училище было переименовано в гимназию) М. Щепкин был особо отмечен за успехи в учебе — он получил в подарок книгу «О должностях человека и гражданина» с надписью «За прилежание».

В «Записках» М. Щепкин отмечает, что «судьба баловала его от рождения», подразумевая под баловством возможность развиваться его уму и таланту, удовлетворить любознательность его ума.

Мемуары М. Щепкина подчеркивают уникальность самого явления обучения отдельных детей крепостных крестьян в России в конце XVIII в. Даже в таком крупном имении, которое описывает М. Щепкин, ключник обучал лишь несколько крестьянских детей. Следует обратить внимание на то, что вместе с мальчиками учится и девочка, что было для того времени очень редким явлением. Одновременно Щепкин дает нам понять, что редко кто из крепостных родителей посылал своих детей учиться в государственные учебные заведения.

Под следствием в Тайной экспедиции в 1785 г. возникло автобиографическое показание крепостного крестьянина князей Голицыных *Н. И. Смирнова* (? – 1800), арестованного при попытке бегства за границу. Эти автобиографические заметки в отличие от предыдущих возникли не в силу внутренних побуждений рассказать о своей жизни, а носят официальный характер и не могут быть причислены к мемуарам. Тем не менее они написаны на основе воспоминаний, очень ярко, колоритно и характеризуют незаурядного, литературно одаренного представителя крепостной интеллигенции.

Поражает трагическая судьба этого человека. Николай Смирнов был сыном управляющего вотчинами князей Голицыных. Он сумел получить хорошее образование, имел обширные познания в науках и искусстве, знал иностранные языки, был даже вольнослушателем Московского государственного университета.

Тяготясь своим зависимым положением, Смирнов попытался бежать за границу с намерением продолжить свое образование в одном из европейских университетов, но был задержан в Петербурге, предан следствию в Тайной экспедиции, где он и написал свою автобиографию в ходе

следствия. Этот интереснейший документ был введен в научный оборот только в 1950 г.²⁴

Екатерина II смягчила суровый приговор палаты уголовного суда (десять ударов кнутом, вырезать ноздри, заклеить, отправить в каторжную работы), и Смирнов был отдан в «состоящие в Тобольске Военские команды солдатом». В ссылке в Тобольске он познакомился с А. Н. Радищевым. Есть предположения, что в основе рассказа крепостного интеллигента в главе «Городня» «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева — судьба Н. Смирнова²⁵.

В 1780—1790-х гг. Н. Смирнов выступал как поэт и переводчик в разных современных изданиях. В последние годы жизни Н. И. Смирнов служил в канцелярии Иркутской суконной фабрики. Автобиография Н. Смирнова по содержанию близка к воспоминаниям и охватывает период 1750—1785 гг.

Отец Н. Смирнова понимал важность образования сына, обучая его в Москве с помощью домашних учителей. Н. Смирнов пишет: «Воспитан я в доме отца моего и его собственным иждивением обучен разным наукам, как то: в- первых, обучен я был российской грамматике и правописанию, потом принятым в доме учителем обучен начальным основаниям французского и италианскаго языков...»²⁶

Смирнов отмечает удивительный факт, что являясь сыном крепостного, он тем не менее посещал лекции в МГУ. Этот случай был исключением из правил, т. к. хорошо известно, что детей крепостных крестьян в МГУ не принимали, поэтому Н. Смирнов на занятия «ходил приватно по дозволению г-на директора, ибо формально записан быть не мог, не имея от господ своих увольнения»²⁷.

В свободные дни Н.Смирнов слушал частные лекции по рисованию, живописи, архитектуре, геодезии и математике в домах различных преподавателей.

Судя по показаниям Смирнова, сам он имел большую тягу к образованию. Поражает широта программы его обучения частным порядком. Примечательно, что в семью крепостных на дом приезжал давать уроки английского языка профессор Московского университета Десницкий, что свидетельствует и о том, что преподаватели МГУ подрабатывали частными уроками. Архитектуре и рисованию обучал Смирнова статский советник Бланк у себя дома, «в своей чертежной». Кроме того, Н. Смирнов занимался самообразованием: изучал французский, итальянский, историю, географию, мифологию и иконологию. Ясно, что в Москве при желании даже крепостной юноша мог получить хорошее образование.

Среди мемуаристов — деятелей культуры следует отметить воспоминания известного писателя, выдающего мастера реалистической прозы, тонкого психолога *Сергея Тимофеевича Аксакова* (1791—1859). Не-

смотря на то, что воспоминания Аксакова представляют собой художественное литературное произведение, автобиографическая книга «Детские годы Багрова-внука» основана на достоверном историческом материале, семейных преданиях семьи Аксаковых. Автор использовал подробные дневники, которые начал вести очень давно.

Сергей Тимофеевич Аксаков родился в небогатой, но старинной дворянской семье. Детские годы Аксаков провел в Уфе, в дедовском имении Ново-Аксакове. С. Т. Аксаков приводит данные о том, что в семье его дяди, небогатого провинциального дворянина Михаила Максимовича Куролесова, на Урале в первой половине XVIII в. обучался круглый сирота крепостной Пантюшка. Дядя Михаил Максимович однажды заметил в своей дворне круглого сироту Пантюшку, «сметливого и умного». Он взял мальчика к себе в дом «для обучения грамоте и для образования из него делового человека», поверенного в судебных делах. Ученик Пантюшка показал необыкновенные способности, и хозяин даже отправил его учиться в Москву к приятелю обер-секретарю, «великому законоведцу и знаменитому взяточнику». С. Т. Аксаков пишет, что Пантюшка достиг очень хороших результатов: «Через несколько лет Пантелея уже звали Пантелеем Григорьевичем, и он получил известность в касте деловых людей»²⁸. Он знал наизусть «года, числа указов и самые законы».

Как отмечает в своих воспоминаниях Аксаков, хотя бывший ученик Пантюшка был в 1790-е гг. уже слепым стариком, но оставался поверенным в делах отца мемуариста. «Знаменитый ходок по тяжёлым делам и знаток в законах» крепостной Пантелей Григорьевич «постоянно держал одного или двух учеников, которые и жили у него в особом флигельке о двух горницах с кухнею, выстроенном им на свой кошт. У него с утра до вечера читали и писали, а он обыкновенно сидел на высокой лежанке, согнув ноги, и курил коротенькую трубку...»²⁹ Так С. Т. Аксаков вскользь упоминает, что в имении кроме крепостного Пантелея, были еще грамотные дети — ученики.

Таким образом, в мемуарах XVIII в. мы находим интересные данные, отражающие обучение крестьянских детей в российской провинции и в Москве в конце этого столетия. Несмотря на единичный характер таких сведений, они позволяют получить представление о том, как наиболее способные дети крестьян могли получить образование. Эти воспоминания оставлены выдающимися личностями своего времени.

¹ Глаголева О. Е. А. Т. Болотов — ученый, писатель, энциклопедист // *Вопр. истории*. 1988. № 11. С. 3.

² Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738—1795: В 4 т. Т. 1. СПб., 1871—1873. С. 1.

- ³ *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. 3. Стб. 628.
- ⁴ Там же. Стб. 1209.
- ⁵ Там же. Т. 4. Стб. 35—36.
- ⁶ Там же. Т. 3. Стб. 1209.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Т. 4. Стб. 714.
- ⁹ Там же. Стб. 129.
- ¹⁰ Там же. Стб. 343.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Стб. 375.
- ¹³ Там же. С. 1166.
- ¹⁴ Записки актера Щепкина // Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество: В 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 36—38.
- ¹⁵ Там же. С. 37.
- ¹⁶ Там же. С. 41.
- ¹⁷ Там же. С. 37.
- ¹⁸ Там же. С. 38.
- ¹⁹ Там же. С. 40.
- ²⁰ Там же. С. 41.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 42—43.
- ²³ Там же. С. 64—65.
- ²⁴ *Сивков К. В.* Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII в. // Ист. архив. М.; Л. Т. 5. С. 288—299.
- ²⁵ *Гартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. М., 1991. С. 140.
- ²⁶ *Сивков К. В.* Указ соч. С. 290.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука: Повесть. Киев, 1987. С. 167.
- ²⁹ Там же. С. 168.